

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сочинение И. М. Кулишера «История русского народного хозяйства» занимает особое место в литературе по экономической истории России. Необычны как обстоятельства его появления и исторический момент, так и личность автора.

Начнем с того, что книга была написана по заказу немецких издателей, задумавших выпустить серию книг по экономической истории разных стран (см. наст. изд., с. V), и вышла одновременно на русском и немецком языках в 1925 г. Среди российских ученых тогда преобладало мнение, что время писать обобщающую работу по экономической истории России еще не наступило: считалось, что многие частные вопросы не достаточно изучены, архивные материалы и памятники экономической истории, хоть и опубликованы, но еще не подверглись всестороннему исследованию.

Инициатива немецких издателей стимулировала несколько «преждевременное», как могло показаться, подведение итогов того, что успела сделать отечественная наука в области изучения экономической истории России. Однако в действительности был использован последний шанс свести воедино достижения дореволюционной историографии русского народного хозяйства. Всего через несколько лет «красная профессура» начнет травить и изгонять с университетских кафедр представителей старой школы, а чуть позже некоторые из них будут уничтожены физически. Изложение истории, а экономической в первую очередь, подчиненное жесткой логике последовательной смены общественно-исторических формаций, фактически начнется с чистого листа. И если, занимаясь частными вопросами, еще можно было как-то уклониться от необходимости втискивать факты в прокрустово ложе исторического материализма, то в общих работах подобные попытки беспощадно пресекались.

Написать историю экономического развития России немецкие редакторы предложили И. М. Кулишеру, что стало еще одной удачей этого проекта. К тому времени ученый уже почти 20 лет публиковался в немецких научных журналах и был известен своими работами по экономической истории Западной Европы. До этого И. М. Кулишер не занимался специально экономической историей России и поэтому мог выступить нейтральным и компетентным арбитром в спорах по отечественной истории. Как отмечал рецензент: «Всегда в таких случаях можно ожидать *a priori* освежения как в постановке старых вопросов, так и в их освещении: другой масштаб, другой подход — и это лучший способ проверки положений, на которых остановилось специальное исследование». Также автор в полной мере использовал свою эрудицию крупнейшего специалиста по экономической истории Западной Европы для выявления параллелей в развитии русского и европейского хозяйства. На всем протяжении книги он прибегает к сравнительному методу, постоянно сопоставляя русские факты с аналогичными европейскими.

Научному стилю И. М. Кулишера был присущ фундаментальный подход к изучению всей доступной литературы по исследуемой им в данный момент проблеме. Особенно ярко это проявлялось, конечно, в его работах по экономической истории зарубежных стран, поскольку он владел несколькими европейскими языками: библиография его главного сочинения «История экономического быта Западной Европы» состоит из более чем 2800 источников на пяти языках! Современники-рецензенты особо подчеркивали характерное для работ Кулишера «исчерпывающее богатство литературы и исторических источников», и что «История русского народного хозяйства» не стала исключением.

Так, в результате счастливого стечения обстоятельств и благодаря незаурядной личности автора на свет появилось произведение, в котором с максимально возможной полнотой и точностью подведены итоги всего предшествовавшего периода разработки экономической истории нашей страны, ставшее в полном смысле слова памятником дореволюционной школе отечественной экономической истории.

Однако потенциал этого произведения не ограничивается содержащимся в нем знанием, позволяющем получить «точное и объективное представление о том, какова была социально-экономическая жизнь Древней Руси до Петра Великого»¹. При правильном подходе оно может помочь восстановить связь современных историков-экономистов с блестящей дореволюционной школой экономической истории Отечества, грубо оборванную в конце 20-х — начале 30-х годов.

Данное издание имеет приложение «Историография русского народного хозяйства до 1925 года», в котором приведены краткие биографические справки и основные сочинения историков, на работы которых ссылается И. М. Кулишер. Нам удалось найти сведения о 160 историках из 280². В ходе подготовки этого приложения наше внимание привлекла одна любопытная деталь. Многие монографии, использованные автором в качестве источников, являются магистерскими диссертациями, а то и дипломными работами выпускников российских университетов того времени. Когда в современных научных исследованиях по экономической истории появятся ссылки на работы студентов и аспирантов, можно будет говорить об успешном возрождении высоких стандартов экономико-исторического образования дореволюционной российской высшей школы.

14 марта 2004 г.

¹ История торговли России XVII—XIX веков освещена автором в гл. IX—XVI «Очерка истории русской торговли», а история промышленности XVI—XVIII вв. — в «Очерке истории русской промышленности» (обе работы опубликованы в сб.: *Кулишер И. М.* История русской торговли и промышленности. Челябинск: Социум, 2003).

² Подавляющее большинство статей взято из «Русского биографического словаря. Сетевая версия», в основу которого положена выборка биографий из 86-томного Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона (1890—1907) и незаконченного Нового Энциклопедического Словаря (1911—1916) <<http://www.rulex.ru/be.htm>>. Также были использованы следующие источники: *Вернадский Г.* Русская историография. М.: Аграф, 2002; *Историки России. Биографии.* М.: РОССПЭН, 2001; *Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история.* М.—Иерусалим: Университетская книга, Geshraim, 2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Наступило ли уже время для того, чтобы писать экономическую историю России?¹ Этот вопрос несомненно поставят себе многие при виде этой книги; задавал себе его и автор. Не потому, чтобы не было достаточных материалов, по крайней мере для периода до конца XVII в.; памятников издано большое количество и на основании одних этих печатных источников, даже без обращения к архивам, можно уже получить представление о хозяйственном развитии Руси. Но, к сожалению, эти памятники еще не достаточно разработаны; многие вопросы мало изучены, хотя в последнее время в общих сочинениях по русской истории и в монографиях уделяется много внимания истории народного хозяйства.

Однако, указанный выше вопрос уже разрешен немецким издательством Фишера в Иене, которое еще накануне войны решило выпустить в ряде томов историю экономического быта всех стран под общей редакцией проф. Бродница в Галле. При таких условиях ясно было, что история русского народного хозяйства будет написана и когда редактор обратился к пишущему эти строки, уже раньше печатавшемуся за границей (моя первая статья была помещена 25 лет тому назад в известных *Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* за 1899 г.) с предложением составить историю экономического развития России, то он не счел возможным отказаться, хотя и сознавал всю сложность и ответственность принятой на себя обязанности. А раз экономическая история России выходит по-немецки (она уже печатается), то ясно было, что ее нужно представить и на суд русской публики, тем более, что если бы этого не сделал автор сам, то издательства позаботились бы о переводе немецкой книги на русский язык. Между тем ничего более несообразного, чем такой перевод, нельзя было бы придумать, ибо помимо того, что потребности русского и иностранного читателя неодинаковы (многое, что первому известно, надо второму еще разъяснить и наоборот, далеко не все, что первого интересует, нужно сообщать и второму), надо себе только представить, что получилось бы, если бы переведенные уже раз на немецкий язык места из грамот, писцовых книг и т. д., теперь вторично переводились обратно на русский.

Настоящей книге предшествовали предварительные работы автора, в особенности его очерк истории русской торговли и статьи в Архиве Истории Труда (Истор. сборн. “Труд в России”). Однако, отделы из книги по истории торговли и названные статьи составляют лишь часть настоящего сочинения, тогда как наибольшее число глав написано вновь, в том числе и многое, относящееся к истории товарообмена, ибо ряд вопросов, касающихся особенно внутренней торговли, торговых городов, расширения рынка и т.д., не мог войти прежде в “Историю торговли” и мог быть освещен лишь теперь в связи с историей земледелия и соляных промыслов, оброков и повинностей, вотчинного хозяйства.

Автор считает своим приятным долгом упомянуть с признательностью о той помощи, которую ему оказала известная своими изданиями источников русской истории (выходящими уже в течение 90 лет) Археографическая Комиссия при Российской Академии Наук, снабдив его целым рядом своих чрезвычайно ценных трудов, что значительно облегчило его работу. Глубокоуважаемому председателю ее акад. О. Ф. Платонову и заместителю его В. Г. Дружинину автор приносит свою глубочайшую признательность за их ценное содействие.

При составлении настоящей книги автор считался с рецензиями, напечатанными по поводу его “Очерка истории русской торговли” (поскольку ему удалось достать соответствующие периодические издания — некоторых он раздобыть не мог) и весьма благодарен составителям их за различные указания. Автор рассчитывает и в настоящее время на компетентных критиков, которые укажут ему на пробелы, несомненно имеющиеся в книге, — автор постарается исправить их в будущем.

Март 1925 г.

¹ Первая попытка этого рода была сделана еще 14 лет тому назад проф. М. В. Довнар-Запольским, но его сочинение, ограничивающееся древнейшим периодом (до XIV в.), наряду с несомненными достоинствами, имеет тот недостаток, что на первый план выдвинуто не сельское хозяйство и аграрный строй, являющиеся основными факторами экономической жизни вплоть до периода развития капитализма, а промыслы и торговля, имевшие в то время лишь второстепенное значение, вследствие чего получилось неправильное освещение всей хозяйственной жизни.

СОКРАЩЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ПАМЯТНИКОВ

- ААЭ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук Т. I (1294—1598 гг.). Т. II (1598—1613 гг.). Т. III (1613—1645 гг.). Т. IV (1645—1700 гг.). 1836.
- АЗР АКТЫ ЗАПАДНОЙ РОССИИ (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией), сборники документов по истории Польши, Литвы и России за период 1340—1699 гг.
- АИ Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I (1334—1598 гг.). Т. II (1598—1613 гг.). Т. III (1613—1645 гг.). Т. IV (1645—1676 гг.). Т. V (1676—1700 гг.). 1841—1842.
- АЮ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Издание Археографической Комиссии. 1838.
- АЮБ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Издание Археографической Комиссии. Т. I—III 1857. 1864. 1884.
- АЮЗР АКТЫ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ, «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (АЮЗР), собрание документов по истории Украины, Белоруссии и России 14—17 вв. (т. 1—15, СПб, 1863—1892), извлеченных из фондов Посольского и Малороссийского приказов, Литовской метрики и др. (ныне хранятся в ЦГАДА в Москве).
- ДАИ Дополнения к Актам Историческим. Издание Археографической Комиссии. Т. I (X в. — 1613 г.). Т. II (1613—1645 гг.). Т. III (1645—1654 гг.). Т. IV (1655—1664 гг.). Т. V (1665—1669 гг.). Т. VI. (1670—1676 гг.). Т. VII (1676—1677 гг.). Т. VIII (1678—1682 гг.). Т. IX (1676—1682 гг.). Т. X (1682—1700 гг.). Т. XI (1684—1696 гг.). Т. XII (1684—1700 гг.). 1846. 1848. 1851. 1853. 1857. 1859. 1862. 1875. 1867. 1869. 1872.
- Полное
Собрание
Законов Первое Полное Собрание Законов Российской Империи. Издание II Отдела Соб. Е. В. Канцелярии.
- СГКЭ Сборник Грамот Коллегии Экономии. Издание Академии Наук. Т. I. 1922.
- МАМЮ Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. Т. I—VI.
- ССГД Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел. Ч. I—IV. 1813—1828.

- ПСРЛ Полное Собрание Русских Летописей.
- Временник
ОИДР Временник имп. Московского общества истории и древностей российских: Научный журнал. — 1849—1857. — М., 1849—1857. — Загл. изм.: 1845—1848 «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете».
- ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения / Ред. (в разные годы) А. В. Никитенко, К. Д. Ушинский, Ю. С. Рехневский и др. — 1834—1917. — Спб., 1834—1917. — Выходил 12 раз в год. — С 1906 выходит Новая серия.
- РИБ Русская историческая библиотека: Сборник, изд. Археографической комиссией. — 1872—1927. — Спб., 1872—1926. — Вышло 39 томов. — Место изд.: несколько томов вышли в Юрьеве, Москве, Ленинграде. — Подзаг.: 1917 «Сборник, изд. археографической комиссией Министерства народного просвещения»; 1926 «Сборник, изд. постоянной историко-археографической комиссией АН СССР».
- Чтения
ОИДР Чтения в обществе истории древностей российских при имп. Московском университете / Ред. О. М. Бодянский. — 1845—1917. — М., 1846—1914. — Выходил 9 раз в год, с 1858 — 4 раза в год. — Загл. изм.: 1837—1844 «Русский исторический сборник»; 1849—1857 «Временник Московского общества истории и древностей российских».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД (до X в. включительно)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ АГРАРНЫЙ СТРОЙ

I

“Восточные славяне, — говорит Ключевский, — заняли преимущественно лесную полосу равнины... Началась усиленная эксплуатация леса, продолжавшаяся целые века и наложившая глубокий отпечаток на хозяйственный и общественный быт и даже национальный характер русского народа. Лесной зверолов и бортник — самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства”¹. И другие исследователи (Милюков, Довнар-Запольский, Рожков, Катаев, Келтуяла) на первое место выдвигают звероловство и пчеловодство (бортничество) в качестве наиболее ранних промыслов: лес питал население пушным зверем и лесной пчелой.

Начальная летопись, сообщая предание о Кие, Щеке и Хориве, прибавляет: *“около града (Киева) лес и бор велик и бяху ловища зверь”*². Дальше рассказывается о том, что *“Древляне живяху зверинским образом... ядыху вся нечисто... И Радимичи, и Вятичи, и Север (северяне) один обычай имаху: живяху в лесе, якоже всякий зверь”*³. Под 859 г. читаем, что *“козари имаху (взимали дань) на Полянех и на Северех и на Вятичех, имаху по белей веверице (белки) от дыма”*⁴.

Таким образом, как справедливо указывает Н. А. Рожков⁵, славянские племена еще до прихода варяжских князей жили в лесах, занимались звероловством и уплачивали хозарам дань в пушных зверях.

И в дальнейшем летопись постоянно упоминает об охоте и лесном пчеловодстве. Олег взимает дань с древлян *“по черне куне”* (кунице)⁶. Игорь одарил греческих послов *“скорою (мехами) и челядью и воском”*⁷. Ольга также обещает греческому царю *“челядь, воск и скору”*⁸, а Святослав, желая переселиться в Переяславль, заявляет, что туда идет из Руси *“скора и воск, мед и челядь”*⁹. Под 975 г. летопись рассказывает о том, что Олег, встретив в лесу Лота Свенельдича, выехавшего на охоту из Киева, убил его¹⁰. “Он сделал это, поясняет М. Н. Покровский, потому, что тот из Киева, т. е. из земли полян, приехал охотиться в древлянскую землю, очевидно, что территории племен именно в охотничьем отношении были резко отделены друг от друга... Охотиться на чужой

земле все равно что вступить с войсками на чужую территорию в современном государстве... С другой стороны, политическое подчинение племени выражалось в том, что победитель получал неограниченное право охоты в земле побежденных: когда Ольга завоевала Древлянскую землю, она первым делом устроила там становища и ловища — это был самый прочный и выразительный признак господства полян над древлянами¹¹.

Однако одновременно со звериными промыслами и бортничеством существовала и обработка земли, как подчеркивают М. Н. Покровский, Г. В. Плеханов и М. Грушевский и как утверждал еще в 60-х годах Д. И. Беляев. “Кому неизвестно, — восклицает последний, — что славяне искони были земледельцами”. Земледелие было “повсеместным занятием наших предков”¹². Земледелие первоначально производилось, как и у других народов, палкой, жердью, виловатым суком — это древнейшее значение слова “соха”, которыми разрывалась земля. Во всех славянских языках, как указывает М. Н. Покровский, совпадает корень “жить” и название хлеба “жито”, слово “брашно” означает более частным образом муку, затем пищу вообще, затем имение; “обилие” означает и “урожай”, и “богатство”. Всем славянским языкам знакомы общеиндоевропейские термины главнейших земледельческих операций — “пахать” (в форме “орать” — лат. *ogare*, греч. *aroo* и т. д.) и “сеять” (лат. *serere*, литовское *seti* и т. п.; общеиндоевропейское название плуга “орало” (греч. *aratron*, армянское *araur*) и серпа (*harpe*, лат. *saepere*); жатва — общеславянское слово, точно так же, как и “нива”¹³.

Все это свидетельствует о том, что славяне еще до образования славянских наречий уже занимались возделыванием почвы. Существование земледелия подтверждается и тем, что в древлянских курганах, относящихся к X в., найдены экземпляры серпов и обугленные зерна хлебных растений¹⁴. Под 883, 964 и 981 г. летопись упоминает и о дани, которая берется от “рала” — Олег ее взимает с радимичей, Святослав и Владимир с вятичей; эти племена, следовательно, занимались земледелием уже в IX—X вв.¹⁵ Ольга говорит древлянам: “*Вси гради ваши предашаси мне и ялися и по дань, и делают нивы своя и земли свои, а вы хотите измерети гладом*”¹⁶. Можно ли, спрашивает Плеханов, предположить, что этот рассказ возник в “охотничье-торговом государстве”, как характеризует Древнюю Русь Келтуяла в своем “Курсе истории русской литературы”? Ясно, что нет — отвечает он. Он возник в среде земледельцев, дорожащих возможностью “*делать нивы своя и землю свою*”¹⁷. Точно так же старец в осажденном Белгороде советует жителям “*сберете аче и по горсти овса, или пшенице, или отроб*”, а осадившим город печенегам он посылает сказать: “*почто грубите себе? коли можете перестояти нас? аще сидите 10 лет, что можете створити нам? имеем бо кормлю от земли*”. Печенеги этому поверили и сняли осаду¹⁸. “Этот рассказ, — прибавляет Плеханов, — тоже мог сложиться лишь в народе, который, по яркому выражению, вложенному летописцем в уста хитроумного белгородского Улисса, получал свою “кормлю” именно от земли”¹⁹.

Наконец, упомянутый Д. И. Беляев уже обратил внимание и на то, что и в песнях, жатвенных праздниках и пословицах отражается земледельческий быт и труд земледельца²⁰. Мало того, сам же Келтуяла, отрицающий значение

земледелия, признает, что среди колядских песен, сохранивших на себе следы языческих представлений, т.е. наиболее древних, многие носят земледельческий характер. “В одной песне поющий приглашает хозяина встать и посмотреть, как Господь ходит по двору и приготавливает плуги и волов; даже поется о том, что Господь приготавливает коней, ходит на току, кладет снопы в три ряда, пшеницу — в четыре, устраивает пчеловодство и готовит пиво”. Он сам указывает на то, что образ Бога здесь является, по-видимому, отражением языческого Дажь-Бога (дай-богатство), и прибавляет, что и главным предметом гаданий в древности было, по-видимому, богатство, зависевшее от “Дажь-Бога”, между тем последний являлся Богом солнца, Богом земледелия²¹.

И в других песнях слышим земледельческие мотивы: весна является с радостью, с высоким льном, с высоким корнем, с обильными хлебами, она приехала “*на сошечке, на бороночке, на овсяном снопу, на ржаном колосу*”; во время гаданий поют: “*катилося зерно по бархату*”²². Любопытна и хороводная песня, изображающая сеяние проса в связи с выбором невесты. Девушки поют про то, как они просо сеяли, а парни им отвечают, что они это просо вытопчут. В связи с этим указывают на то, что в древнейшую эпоху, по-видимому, земледелием занимались женщины, мужчины же охотой²³. Это мы находим и у древних германцев в эпоху Тацита²⁴, и у неевропейских первобытных народов. В связи с обработкой женщинами земли они и питались плодами ее, тогда как мужчины — убитыми на охоте животными. Потребление пищи производилось отдельно теми и другими.

II

Исходную точку в области аграрного строя древней Руси составляет, по-видимому, то же групповое (общинное), а не индивидуальное землевладение, которое мы находим в наиболее раннюю эпоху хозяйственной жизни и других народов. Вопрос этот, правда, спорный, и за отсутствием данных его решить трудно. Но некоторые указания допускают такое толкование, что земля принадлежала родам²⁵. По словам начальной летописи, “*живяху каждо своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим*”²⁶. Каждый род имел “*свои места*”, определенную территорию. Дальнейший рассказ о трех братьях — Кии, Щеке и Хориве, из которых каждый жил отдельно от других, и имеет в виду, очевидно, такие роды — каждый из них являлся главой рода. Эти роды вели между собой постоянные войны, как это мы находим всегда в первобытные времена: “*вста род на род и быша в них усобище и воевати почаша сами на ся*” — повествует летописец в рассказе о призвании варягов²⁷. И Святослав, взявши у греков дань, берет их “*за убьенные, глаголя: яко род его возмет*”²⁸.

Такой родовой характер землевладения соответствует и свойствам первобытной обработки земли — выжигание и выкорчевывание лесов являлось делом настолько тяжелым, что его могла осилить лишь группа людей, лишь “*большая семья*”, но никак не семья в современном смысле. На такой характер земельной собственности указывают и статьи “Русской Правды”, относящиеся к верви, которая является земельным союзом, основанным, по-видимому, на кровном родстве, хотя и по этому вопросу есть иные взгляды.

Слово “*вервь*” Карамзин²⁹ производил от германского *hwarf*, означающего округу или волость, с которой шла вира (по более новым объяснениям *hwarf* значит народное собрание, вече). Мрочек-Дроздовский и Соловьев выводили это название от веревки, вервия, указывая на то, что в грамотах участки пашни измеряются веревками и вервиями (“*отняли у нас, государь, деревенку..., и пашни, государь, в ней пять веревок*”). Первый указывает на то, что нашему языку свойственно называть население по тому земельному пространству, на котором это население живет, почему *вервь* есть вместе с тем та земская община, которая живет и сидит на этой земле, второй прибавляет, что как у нас, так и у других народов (евреев, римлян) название орудия измерения перешло и к отмеренной земле³⁰. По И. М. Собестианскому, *вервь* обозначает в древности и веревку, и род, подобно тому как латинское *linea* и французское *la ligne* употребляются в смысле не только намерения, но и связи родства^{31, 32}.

Как бы то ни было, *вервь*, по “Русской Правде”, являлась территориальной единицей, на которой лежала круговая ответственность как за убийство, так и за некоторые виды кражи. “*Аже кто убьет княжа моужа в разбои, а головника не ищут, то вервнюю платити в чей верви голова лежит, то 80 гривен; аще ли людин, то 40 гривен*” (ст. 3). Но обязанность платить *виру* только тогда возлагается на *вервь*, когда последняя не желает выдать (или, по другим толкованиям, не старается отыскать) убийцу, причем платит та *вервь*, в которой найден убитый. Однако и в том случае, когда убийца известен, не он один платит *виру*, а *вервь* помогает ему в этом, уплачивает “*дикую виру*”, т.е. платит ее сообща и за чужую вину. Сумма эта получается путем добровольной раскладки между членами *верви* (“*так ому платити по вервинне, еже ся прикладывают вирую*”). Однако это участие *верви* предполагает, что виновный раньше вносил свою часть в общую складчину, если же кто-либо не вносил своей доли в *дикую виру* (“*аже кто не вложится в дикую вину и виру*”, “*томуо людие не помогают, но сам платит*”)³³. Из последнего видно, что *вервь* представляет собой постоянный союз, производящий раскладку своих платежей между своими членами. Есть основание предполагать наличность кровного родства между членами *верви*. Иное объяснение ее в качестве соседской общины предполагало бы принудительное соединение землевладельцев в полицейских целях — объяснение весьма искусственное, не соответствующее рассматриваемой ранней эпохе.

Ответственность *верви* имеет место и в некоторых других видах преступлений, именно в случае недозволенной ловли бобров в чужом лесу или уничтожения межи, бортей и т.д.; в этих случаях “*по верви искати к себе татя, а лобо продажа платити*”. Если община откажется искать вора, “*то тем платити и татьба и продажа*” (ст. 88). В связи с этим П. А. Соколовский обращает внимание на то, что не только самое название *верви*, означающее меру длины, указывает на ее поземельное значение, но и упомянутые статьи “Русской Правды”³⁴.

Сравнивши эти положения с другими статьями, относящимися к нарушению прав собственности, мы найдем, что в тех случаях, когда приходилось преследовать нарушение прав, связанных с поземельным владением, например, если были попорчены или уничтожены борти, древо на межи, знамение на земли, “*им же ловлено*”, бобры, сети в местах ловли и т.п., вообще, когда нарушены были права на предметы, выходящие за пределы непосредственного личного владения

и охранения, то вора искали “*по верви*”, т.е. при участии всей общины, и в случае его исчезновения вервь платила 12 гривен продажи. Напротив, если дело шло о краже оружия, коней, скота и челяди, т.е. предметов личной собственности, то община не помогала при отыскании вора, а истец должен был действовать самостоятельно³⁵. Из этого вытекает, что земля, в противоположность указанной подвижности, не составляла индивидуальной собственности, а принадлежала группе лиц, верви, роду.

Наконец, в пользу нашего предположения можно привести и данные позднейшего времени, свидетельствующие о существовании на севере формы родового быта в виде “*печища*”, соответствующего “*задруге*” юго-западных славян. Роду противопоставляются другие роды (племена), ему враждебные. Большая семья — задруга, печище или дворище постепенно разлагается, и каждый член ее получает право на долю во всем деревенском хозяйстве, становится “*дольщиком*”, “*пайщиком*”, “*подворником*”, “*половинщиком*”. Родственные союзы с течением времени уступают место соединениям не родственных, только экономически связанных между собою, элементов-складников, сябров. Однако, печище не делится вполне, а часть его, в особенности в виде угодий, остается в общем владении родственников; и об этих совладениях говорится, что они состоят “*в сябре, в складстве*”, так что можно предполагать, что в основах складства лежали первоначально чисто родственные отношения. И. В. Лучицкий нашел сябринное землевладение, основанное на родственном кровном начале, и в Малороссии³⁶.

¹ **Ключевский.** Курс истории России. 5-е изд. Т. I. 1914. С. 145.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. 1872. С. 8—9

³ Там же. С. 12—13.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ **Рожков.** Очерк истории труда в России // Архив Истории Труда в России. Кн. V. С. 59—60.

⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. 883 г. С. 23.

⁷ Там же. 945 г. С. 61.

⁸ Там же. 955 г. С. 61.

⁹ Там же. 966 г. С. 66.

¹⁰ Там же. 975 г. С. 272—273.

¹¹ **Покровский.** Очерк истории русской культуры. 2-е изд. Т. I. 1917. С. 45—46.

¹² **Беляев.** О земледелии в древней России // Труды Вольного экономического общества. I. 1866. С. 168, 178. См.: **Грушевский.** Киевская Русь. I. С. 306. **Его же.** Очерк истории украинского народа. 2-е изд. С. 31.

¹³ **Покровский.** Очерк истории русской культуры. Т. I. С. 29, 42.

¹⁴ **Антонович.** Черты быта русских славян по курганным раскопкам // Русская история. Под ред. **Довнар-Запольского.** Т. I. С. 139.

¹⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 23, 63, 80.

¹⁶ Там же. 946 г. С. 57.

¹⁷ **Плеханов.** История русской общественной мысли. Т. I. 1919. С. 37.

- ¹⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку. 997 г. С. 125.
- ¹⁹ **Плеханов.** История русской общественной мысли. Т. I. С. 38.
- ²⁰ **Беляев.** О земледелии в древней России. С. 168 сл.
- ²¹ **Келтуяла.** Курс истории русской литературы. Т. I. 105 сл.
- ²² Там же. С. 107 сл. **Плеханов.** История русской общественной мысли. Т. I. С. 40 сл.
- ²³ **Покровский.** Очерк истории русской культуры. Т. I. С. 50. **Плеханов.** История русской общественной мысли. Т. I. С. 41. **Рожков.** Очерк истории труда в России. С. 58
- ²⁴ См.: **Кулишер.** Лекции по истории экономического быта Западной Европы. 6-е изд. Ч. I. С. 22.
- ²⁵ См.: **Ключевский.** Курс истории России. Т. I. С. 133. **Покровский.** Русская история. Т. I. 1920. С. 15. Обзор русской истории. Ч. I. 2-е изд. 1905. С. 29 сл., 33. Относительно первоначального быта русских племен и различных теорий на этот счет см.: **Загоскин.** История права русского народа // Русская история. Под ред. **Довнар-Запольского.** Там же литература.
- ²⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 8.
- ²⁷ Там же. С. 18.
- ²⁸ Там же. 971 г.
- ²⁹ **Карамзин.** История Государства Российского. Т. II. Прим. 72.
- ³⁰ **Мрочек-Дроздовский.** Исследование о “Русской Правде”. 1885. С. 134 сл. (сл. “вервь”). **Соловьев.** История России. Т. I. С. 232, прим. 5.
- ³¹ **Собестянский.** Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. 2-е изд. 1888. С. 115 сл.
- ³² **Павлов-Сильванский** (Соч. Т. III. С. 104–105) прибавляет, что и в Англии в некоторых местах судебный округ называется *rare*, что значит веревка, и по его мнению, вервь хотя и происходит от веревки, но не как средства измерения, ибо границы в те времена не межевались, а от веревки, которой ограждалось место схода — отсюда оно (подобно слову погост) перешло на общину и ее земли.
- ³³ Соловьев производит “дикий” от “общий”, Дубенский от “чужой”. “Русская Правда”. Карамзинский список. Ст. 3–6. См.: **Götz.** Das Russische Recht. Bd. III. S. 27 ff. **Филиппов.** Учебник истории русского права. Т. I. 1907. С. 218 сл.
- ³⁴ **Соколовский.** Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей. 1878. С. 124. О верви см.: **Лешков.** Русский народ и государство. С. 104, 110 сл., 114 сл. **Погодин.** Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. С. 384. **Ясинский.** Село и вервь “Русской Правды”. 1906. **Леонтович.** О значении верви по “Русской Правде” // ЖМНП. IV. 1867. **Сергеевич.** Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. 1903. С. 246. **Ланно-Данилевский.** Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. 1905. С. 8. **Ведров.** О денежных пенях по Русской Правде // Чтения ОИДР. II. 1876. С. 92). См. также указ. выше соч. **Собестянского, Филиппова, Мрочек-Дроздовского, Павлова-Сильванского, Рожкова.**
- ³⁵ По поводу аналогичной верви у западных славян (сохранился статут далматской общины Полицы 1400 г.). См.: **Леонтович.** О значении верви по “Русской Правде” и Полицкому статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян // ЖМНП. 1867.
- ³⁶ См.: **Ефименко.** Крестьянское землевладение на крайнем севере // **Ефименко.** Исследования народной жизни. 1884. **Иванов.** К истории крестьянского землевладения на

севере // Древности. Труды археографической комиссии Московского Археологического Общества. Т. I. 1900. **Его же**. Сябры-помещики // ЖМНП. Кн. XII. 1903. **Клочков**. К вопросу о складниках // Там же. Кн. XI. 1901. **Островская**. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII ст. 1913. Гл. I. **Лапто-Данилевский**. Критические замечания по поводу сочинения Никитского // ЖМНП. 1895. **Сергеевич**. Древности русского права. Т. III. 1903. См. также: **Рожков**. Обзор русской истории. Т. I. 2-е изд. 1905. С. 29. **Покровский. М. Н.** Русская история. Т. I. С. 16. **Луцицкий**. Сябры и сябринское землевладение в Малороссии // Северный Вестник. Кн. I и II. 1889.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТОРГОВЛЯ С АРАБАМИ И ВИЗАНТИЕЙ

I

Славяне издавна занимались, как мы видели, звероловством и бортничеством, но в то же время и земледелием. Продукты первых двух отраслей — меха, воск и мед, как и рабы, выменивались ими на произведения арабов и других народов, как и на золото и на паволоки в Византии. Наряду с первобытным земледелием и лесными промыслами появляется, следовательно, и обмен. Но значение последнего отнюдь не следует преувеличивать, тем более что обмен этот совершался не коренным населением, не славянами, а пришельцами — русами, варягами.

На торговые сношения между арабами и племенами, населявшими современную Русь, указывают не только клады, найденные в большом количестве на территории ее¹ и являющиеся результатом не одного лишь мирного обмена, но и грабительских нападений арабов, но и сообщения арабских географов X ст. (Ибн-Фоцлана, Масуди, Истархи, Ибн-Хаукаля, Ибн Руста, Ибн-Якуба, Ал-Бекри, Гурдези, Эл-Балхи, Ибн-Хардадбега), много странствовавших в нынешней юго-восточной части России и оставивших нам описания своих путешествий, характеристику этих местностей и их населения.

Еще в 1847 г. известный ориенталист П. С. Савельев обратил внимание на арабские монеты, находимые в России, как на важный исторический источник для изучения сношений Древней Руси с Востоком. Если, по словам Гиббона, на основании одних медалей можно установить путешествия императора Адриана, то и арабские монеты открывают исторические факты, о которых умалчивают летописи. Арабские, или куфические монеты (от г. Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей), которые начали чеканить в самом конце VII в. (после Р.Х.), будучи немymi памятниками, все же подробно рассказывают нам о многих явлениях своего времени. Место чеканки, на них обозначенное, свидетельствует о том, что данный город в это время признавал власть определенной династии, и указывает на географическое протяжение государства; титулы эмира или султана и присутствие или отсутствие имени современного халифа на монете показывают отношение чеканившего к “повелителю правоверных”, духовному

главе мусульманского мира; притязание владельца или его наместников на независимость, явная вражда или разрыв его с халифом выражаются опущением имени последнего. Мало того, самое нахождение арабских монет в какой-либо стране уже означает факт сношений между ней и Востоком в данный период, ибо на Востоке монета, как эмблема верховной власти данного времени, перечеканивалась с восшествием на престол каждого нового халифа или султана.

В русской земле найдены “целые капиталы” в куфических монетах VIII—XI вв. Населению негде было укрывать свои ценности, кроме, как в “матери сырой земле” — она служила для них своего рода банком. Тщательно хороня свое добро близ дома или на берегу реки, они делали тайный знак — клали камень или сажали деревцо и отрывали по ним свое сокровище. Но, в случае смерти их, “безответный банкир” навсегда сохранял вверенную ему тайну. В других случаях богатства буквально “хоронили” вместе с их хозяином — и могильные холмы сохранили их до наших времен. Все эти монеты — серебряные, хорошо сохранившиеся, с четкими надписями. Часто они надрублены надвое или на четыре части, разрезаны ножницами или разломаны — доказательство отсутствия мелкой монеты, которую должны были заменить части крупной — диргемов (никакой иной монеты не знали), — способ, практикуемый, впрочем, в раннее Средневековье и в Западной Европе (“ломаная монета”)².

“Каким же образом и вследствие какого политического переворота эти огромные массы серебряных куфических монет перенесены были с берегов Каспия, Аму- и Сыр-Дарьи и городов халифата в равнины России и на берега Балтийского моря?” — спрашивает П. С. Савельев. Он не настолько наивен, чтобы приписывать все эти клады исключительно торговым сношениям Руси с Востоком, ибо ясно, что ценности могут переходить от одного народа к другому и всевозможными иными способами — путем дани, уплачиваемой покоренными племенами или народами, которые откупаются от нападений других, путем получения подарков, уплаты вир, оброков и сборов разного рода, и в особенности посредством насильственного захвата, в качестве военной добычи. Савельев и указывает на то, что азиатские монеты VIII—XI вв. занесены частью торговлей с мусульманскими народами прикаспийских стран, частью вследствие грабительских набегов на берега Каспийского моря; монеты же африканско-арабские и испано-арабские попали благодаря норманнам, которые неоднократно грабили Испанию и Африку, а потом утвердились и на Руси.

Мало того, Савельев понимает, что для доказательства факта торговых сношений мало безмолвных свидетелей — монет, нужно еще нечто большее — подтверждение говорящих памятников, летописцев, в данном случае арабских географов X в. Лишь в том случае, если эти авторы действительно признают, что сношения между Востоком и русскими областями имели торговый характер, мы вправе утверждать, что клады эти занесены именно таким, а не каким-либо иным способом.

Но поскольку Савельев таким путем устанавливает товарообмен Руси с Востоком, он все же считает нужным указывать на то, что последний, в частности у арабов, шел рука об руку с походами, с кровопролитной борьбой, с захватом добычи, с завоеваниями. Магомет, “правда, убил поэзию народа, заменив ее Алкораном, зато развил его воинственность и его торговый дух” — и то и

другое одновременно. Тот же самый араб, который с ожесточением дрался с “неверными”, не гнушался вступать в обмен, потому что “куплю и продажу” завещал пророк — “храм, рядом училище, перед ним рынок; это торговля и просвещение под покровом религии, могущество и слава халифата”³.

“Торговые пути арабов, — говорит Савельев, — прокладывало их оружие: каждое новое завоевание было новым рынком”. На западном берегу Каспия сидели хозары, “и они первые из народов России вступили в непосредственные сношения с арабами, сперва в битвах против них на берегах Аракса и в Закавказье, потом в торговле с ними на берегах Итиля (Волги)”. После того как халифат завоевал ряд хозарских городов, хакан перенес свой шатер на берега Волги, и хозарской столицей стал Итиль, названный по имени реки и расположенный около нынешней Астрахани. По словам Ибн-Фоцлана, хозарская столица состоит из двух частей, которые отделены друг от друга рекой; на западной стороне реки живут царь и его вельможи, на восточной — магометане, причем в этой восточной части живут купцы и находятся товары. У Ибн-Хаукаля также читаем: “Хазеран имя восточной половины города Итиля, где находится большая часть купцов, магометан и товары; западная же часть исключительно для царя, вельмож и войска”. То же повторяет и Эл-Балхи⁴. Таким образом, восточная часть Итиля, или Хазеран, как она именовалась, составляла особую слободу, в которой жили иностранные купцы, отделенную от прочего города рекою. Это характерное явление для ранних эпох истории торговли и вполне понятное, если иметь в виду указанную нами тесную связь торговли с грабительскими набегами. Неудивительно, что население боялось впускать в пределы городской территории иноземцев, в которых оно привыкло видеть врагов; в данном случае воинственные арабы, многократно производившие набеги на хозар, даже будучи купцами, не могли внушать хозарам особого доверия. Поэтому-то их держали в особой слободе на другой стороне реки, что являлось более безопасным.

Далее, арабы знали лежавшую к северо-востоку землю буртасов (или бурдасов) в нынешней Симбирской губернии, о которых Ал-Бекри замечает, что “они имеют обширную страну и много торговых мест”⁵, знали и граничащих с ними болгар. “Булгар, — говорит Ибн-Хаукаль, — небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гаванью этих государств”⁶. Современные авторы не без основания понимают под гаванью порт и складочное место (рынок, торговый центр)⁷. В средневековой Англии “port”, во Франции “portus” (порт) означало торговое место, рынок⁸. Мы находим обычно соединение того и другого.

Относительно торговли приволжских народов Масуди сообщает, что караваны постоянно ходят с товарами из страны болгар в Ховарезм и обратно, причем им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, через страны которых они проходят. Из страны буртасов, продолжает он, живущих у этой реки, вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртасскими. Арабские и персидские цари ценят черные меха выше куньих, собольих и иных и делают из них шапки, кафтаны и шубы⁹. О торговле хозар и арабов с приволжскими болгарями сообщает и Ибн-Ростех (Ибн-Дафта): хозары ведут торговлю с болгарями; когда приходят туда мусульманские суда, то с них берется десятая часть товаров в виде пошлины¹⁰.

Город Булгар, говорит П. С. Савельев, был, однако, крайним пределом странствований арабов X века и самым северным пунктом торговли халифата; арабы не отваживались далее Булгара¹¹. Действительно, Джейхани, Истахри, Ибн-Хаукаль, Эл-Балхи — все в один голос утверждают, что купцы не осмеляются ездить далее к племени (русов) Арта или Артаня (Арсания), так как эти люди убивают немедленно всякого чужестранца, между тем как они сами путешествуют по воде и производят торговлю. Следовательно, сношения и с этим племенем существовали, только арабы не решались сами отправляться туда. Комментаторы указывают на то, что болгары намеренно представляли эту страну столь опасной и недоступной, чтобы удерживать восточных купцов от попыток лично проникнуть в эти страны и таким образом сохранить торговлю с ними в своих руках; этот прием сопоставляют с подобным же образом действий финикиян, которые также старались преувеличивать опасности принимаемых ими с торговыми целями путешествий¹².

Но возникает вопрос: кто же были эти арты или эртсы (артсы)? Мнения писателей расходятся. Френ понимает под Эрсой Арзамас Нижегородской губернии, Савельев — эрзу или мордву, то же Георг Якоб и Маркварт. Хвольсон читает не Артсания, а Армания, и полагает, что опущена буква “б” в начале, т.е. должно быть Бармания — Биарма, речь идет, следовательно, о пермяках на Каме. Наконец, Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что те товары, которыми, по словам восточных географов, торговало это племя, исключают земли мордвы, а метят на Скандинавию, изобилующую металлами, — оттуда привозятся (по словам Эл-Балхи, Истахри, Джейхани, Ал-Хоросани и персидского автора X в.), кроме черных соболей (и лисиц), свинец, олово, мечи и клинки¹³.

Толкование этого места весьма существенно, ибо это племя является у упомянутых писателей одной из трех народностей, на которые распадается русы. Другие два племени русов находятся: одно по соседству с Булгаром и царь его живет в Куябе, под которым понимают Киев, а другое — в Новгороде; это, по видимому, новгородские славяне, хотя и последнее далеко не вполне выяснено.

Но о торговле русов с различными народами — хозарами, бургасами, болгарами арабские географы X в. упоминают неоднократно. Так, Ибн-Руста рассказывает, что Русь привозит к болгарам свои товары, как-то: меха соболей, горностаевые и др. Они ездят и в хозарскую столицу и продают там меха и невольников¹⁴. У Ал-Бекри читаем относительно болгар, что хозары ведут с ними торговые сношения и также русы¹⁵. Я видел русов, сообщает Ибн-Фоцлан, когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль. При этом они остановились не в самом городе, а на некотором расстоянии его, по Волге (как подобало — прибавим — иностранцам, которых боялись допускать в город). Там они, продолжает он, оставались до тех пор, пока не успевали продать товары, но постоянно не проживали, а являлись лишь временно для торговли (быть может, на время ярмарки — также обычное явление в ранние эпохи культуры). Они молились — читаем далее — своим идолам, чтобы они послали им покупателей товаров, которые бы купили у них все и с ними бы не торговались и имели бы много динаров и диргем — продавали, следовательно, товары на звонкую монету¹⁶. Не ясно только, где их встретил Фоцлан — в Хозарии или в Болгарии; как Итиль, так и Булгар лежали ведь по Волге. А. Я. Гаркави (еще до него Савельев) и Ф. Ф. Вестберг находят, что речь идет о Булгаре¹⁷.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru